

Пазухин Алексей Михайлович

**Егор Урван атаман запорожского
войска**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Егор Урван атаман запорожского войска / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-521-27083-5

ISBN 978-5-521-27083-5

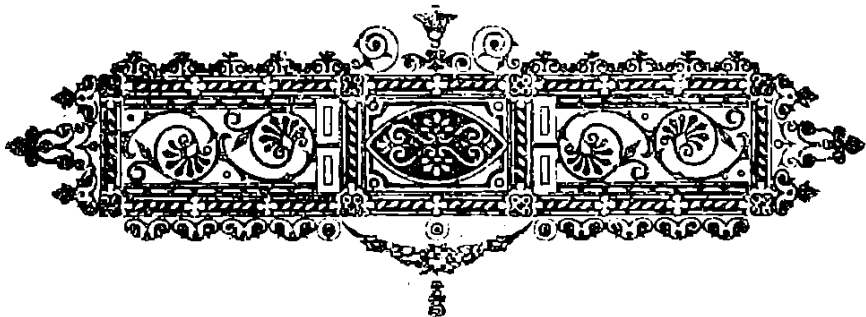
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



ГЛАВА I.

Возвращеніе на родину.

Былъ чудный лѣтній вечеръ. Небо было ясно и почти безоблачно. Только изрѣдка проносились по немъ пестрыя мелкія облачка и неслись какъ бы догоняя другъ друга, но это было на одно мгновеніе, и затѣмъ снова было видно ясное голубое небо. Легкій вѣтерокъ разносилъ ароматы полей и лѣсовъ. Въ полѣ было такъ хорошо, такъ тихо, такъ торжественно, какъ бываетъ на душѣ человѣка въ минуты счастья.

По правому берегу рѣки Днѣпра въ такой чудный вечеръ шли два путешественника. Оба они были очень еще мо-

лоды. Вглядываясь пристально въ ихъ лица, сейчасъ было можно узнать въ нихъ родственное сходство.

Одинъ изъ путешественниковъ былъ высокій, широкоплечій дѣтина лѣтъ двадцати. Темнорусые волосы его вились кольцами и придавали его красивому лицу немало прелести, но особенно были хороши его темнокаріе глаза: много души, много ласки сулили они.

Другой былъ небольшого роста, худенькій, хилый, съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами; лицо его походило скорѣе на хорошенькую дѣвушку, чѣмъ на взрослого парня, и хотя ему уже минуло двадцать-два года, но онъ выглядывалъ совершенно мальчикомъ.

— А скоро, чай, будетъ вечерѣть, вонъ ужъ солнышко клонится къ закату. Поспѣемъ ли мы дойти до ночлега? — обратился юноша съ голубыми глазами къ своему товарищу.

— А что жъ будетъ за бѣда, если и не дойдемъ до деревни? — отозвался другой.

— Да вѣдь нужно же гдѣ-нибудь ночевать, чай, всю ночь нельзя итти безъ отдышки.

— А развѣ въ полѣ ночевать нельзя?— спросилъ широкоплечій парень.

— Въ полѣ? Да въ полѣ, положимъ, можно, только оно-то приходитъ къ концу; видишь, впереди дремучій лѣсъ, вотъ, пожалуй, тутъ-то насъ и застигнетъ ночь, — какъ бы съ испугомъ проговорилъ юноша.

— А ты, Остапъ, ужъ не боишься ли въ лѣсу-то ночевать? Эхъ, ты, баба! Не даромъ тебя наши бурсаки смазливою дѣвкой прозвали,—засмѣялся товарищъ.

— Бояться—не боюсь, а все же лучше ночевать въ деревнѣ, чѣмъ въ лѣсу; вѣдь мы съ тобой съ утра ничего не ѣли, вотъ и чувствуется въ животѣ-то какая-то пустота, теперь бы и наши бурсацкія щи показались слаще свиного борща. Оставь шутки, Егоръ, надо прибавить шагу и во что бы то ни стало добратся поскорѣе до деревни,—предложилъ Остапъ.

— Это можно. Я бы тоже не отказался теперь выпить кружку добраго молочка: совсѣмъ глотка пересохла. Добратъся бы скорѣе до дому, отвелъ бы я себѣ душеньку послѣ хлѣба-соли бурсадкой, — улыбнулся Егоръ.

— Да, теперь намъ съ мѣсяцъ придется отъѣдаться, чтобы силы молодецкой набратъся. Посмотрить на насъ батько, такъ и ахнетъ: не любить онъ такихъ заморенныхъ. А что, Егоръ, поди, матка всѣ глаза просмотрѣла, поджидая насъ, — сказалъ Остапъ, и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди.

— Извѣстно, ждать не дождется, а ужъ и любить она насъ! Кажись, нѣтъ добрѣе и ласковѣ нашей матушки на всемъ бѣломъ свѣтѣ; душу готова положить за насъ! Дай ей Богъ добраго здоровья на многія лѣта, — задумчиво произнесъ Егоръ, и на глазахъ его блеснули слезы.

— А Маруся-то твоя, поди-ка, ждетъ тебя, чай, и минуты-то всѣ сосчитала, — сказалъ Остапъ.

Егоръ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ дождемся осени да честнымъ пиркомъ и за свадебку, окрутимъ васъ, а тамъ живите себѣ съ Богомъ да добро наживайте, а мы будемъ, на васъ глядя, радоваться,—продолжалъ Остапъ.

— Нѣтъ, Остапъ, чуетъ мое сердце, что этому не бывать, не позволить мнѣ батько подъ вѣнецъ итти съ Марусей...

— Это почему?

— А потому, что не любить онъ всю ея семью, говоритъ, что весь родъ ихъ поганый. Коли батько узнаетъ, что мила мнѣ Маруся, онъ сейчасъ же найдетъ мнѣ невѣсту и поженитъ меня на постылой; чуетъ мое ретивое, что это будетъ такъ,—отвѣтилъ Егоръ и тяжело вздохнулъ; лицо его приняло грустный видъ.

— Полно, не грусти, все поправится, вѣдь батько только горячъ, а добрая у него душа, не захочетъ онъ погубить тебя,—успокоивалъ Остапъ.

— Мало ты его знаешь, коли такъ говоришь. Ужъ коли батько что сказалъ разъ, такъ никто его не заставитъ измѣнить своего слова. Коли онъ полюбилъ кого, то отдастъ за того человѣка всю душу свою, а коли зло кому захочетъ сдѣлать, то не задумается отомстить такъ, что по вѣкъ не забудешь. Батьку Маруси онъ давно считаетъ своимъ врагомъ, онъ слышать не можетъ его имени. Я не разъ спрашивалъ у матушки, почему это такъ, но и она ничего мнѣ на это не объяснила, а сказала, что тутъ кроется какая-то тайна, которую батько никому не выдастъ,— сказалъ Егоръ.

— Ну, коли такъ, то дѣло плохо,—кажись, Маруся и не переживетъ разлуки съ тобой: ужъ больно она тебя крѣпко любить,—отозвался Остапъ.

— Вотъ и теперь, нешто легко ей будетъ: сердце-то у бѣдняжки такъ и будетъ рваться взглянуть на меня, и ни къ намъ притти ни мимо дома пройти не посмѣетъ, жди, когда всѣ сосѣди на по-

кой улягутся, ну, тогда и свидимся только, а потомъ опять Богъ вѣсть когда придется повидаться; вѣдь и за ней matka стала больно шибко слѣдить, знать, догадалась, что любимъ мы другъ друга и что изъ этой любви ничего хорошаго не выйдетъ. Эхъ, на горе великое родила ты меня, матушка, на бѣлый свѣтъ,—съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Егоръ и, махнувъ рукою, зашагалъ быстро.

Молодые путешественники такъ увлеклись задушевымъ разговоромъ, что незамѣтно прошли густой лѣсъ, и глазамъ ихъ предстала большая деревня, въ которой они и порѣшили переночевать.

Солнце давно уже сѣло, и усталыя ноги путешественниковъ требовали отдыха.

Подойдя къ первому дому, Егоръ началъ усердно стучать въ ворота. Крестьяне, утомленные дневною работою, крѣпко спали и нескоро услышали стукъ молодцовъ.

— Кого нужно? — окликнулъ грубый мужской голосъ, приподнявъ оконную раму и высунувъ свою косматую рыжую голову.

— Пустите, добрые люди, переночевать, — ласковымъ голосомъ обратился Остапъ.

— Ишь, окаянные, только сбулгачили всѣхъ! Нешто здѣсь постоянный дворъ, что вы въ полночь ломитесь! — сердито крикнулъ рыжій и захлопнулъ окно.

— Пойдемъ дальше, авось найдемъ добраго человѣка, вѣдь не всѣ же тутъ такіе черти живутъ, какъ этотъ космачъ, — сказалъ Егоръ и пошелъ дальше.

Скоро наши путешественники нашли себѣ пріютъ въ маленькой избушкѣ бобылки Марѣы. Старушка радушно приняла молодцовъ, накормила всѣмъ, что нашлось въ ея убогой хижинѣ, и уложила на душистое, свѣжее сѣно.

ГЛАВА II.

Свиданіе. — Маруся.

Казакъ Грицко Урванъ, несмотря на свои немолодые годы, такъ какъ ему уже прошлою осенью „стукнуло“, какъ выра-

жался онъ, 60 лѣтъ, казался еще совершенно бодрымъ. Его высокій ростъ, широкія плечи, высокая грудь ясно говорили, что человѣкъ этотъ когда-то обладалъ страшною силой. Прекрасные темнокаріе глаза еще не потеряли своего блеска и весело, открыто смотрѣли въ лицо добрыхъ людей. Взглядъ его глазъ былъ до того пронзителенъ, что, казалось, эти глаза видятъ насквозь каждого человѣка и ничто отъ нихъ не укроется.

— Что-то не видать еще нашихъ дорогихъ гостей, Оксана, — обратился Грицко, входя въ свою хату къ женѣ, сидѣвшей у окна съ грустною думой.

— Ужъ не повстрѣчалось ли съ ними чего въ дорогѣ, что-то на сердцѣ у меня сегодня больно тяжело, да и Остапа во снѣ видѣла нехорошо, — отвѣтила Оксана, и крупная слеза скатилась съ ея морщинистой щеки.

— Чего тамъ повстрѣчается съ этими молодцами? Развѣ они не дѣти Грицки Урвана? Развѣ такіе лихачи чего стру-

сятъ? Только вотъ твой Остапъ на дѣвку смахиваетъ, потому изнѣжила ты его больно, а ужъ Егоръ не таковъ, чтобы съ нимъ бѣда какая страстись могла: на медвѣдя пойдетъ, голову свою положить, а живой въ руки не дастся. Весь въ меня, чортовъ сынъ, уродился, — съ довольною улыбкой прибавилъ Грицко.

— А ты съ поля, что ли, на дорогу смотрѣлъ, — полюбопытствовала Оксана, сердце которой горѣло нетерпѣніемъ видѣть своихъ дорогихъ сынковъ.

— Да, выходилъ почти къ самой дороге, съ полчаса времени стоялъ, а все ничего не увидалъ. Ну, теперь кручиниться нечего, рано или поздно, а сегодня должны быть дома, — успокоивалъ Грицко свою жену.

— Вѣдь они ужъ больше въ бурсу не пойдутъ, Грицко? — обратилась старуха.

— Вѣстимо не пойдутъ. Науку, значить, покончили, ума-разума набрались, теперь надо батюшкѣ-царю послужить, итти отечество свое защищать.